

О. В. Леон

НАРРАТИВНЫЙ КОНТРАКТ КАК РЕЧЕВОЙ АКТ МЕТАНАРРАЦИИ

Согласно «Словарю нарратологии» Г. Принса, нарративный контракт представляет собой оречевленное соглашение между рассказчиком и слушателем, обуславливающее само существование нарратива, влияющее на его форму и предполагающее встречное осуществление какого-либо запроса рассказчика в обмен на нарратив (G. Prince, 2003). Подобного рода соглашение предваряет ситуацию наррации, устанавливая коммуникативные роли и условия, без соблюдения которых наррация не состоится. Под наррацией в данном контексте понимается изложение истории как акт коммуникации или, в трактовке Ж. Женетта, порождающий повествовательный акт, ситуация или инстанция повествования, производящая инстанция нарративного дискурса (Ж. Женетт, 1998).

Основным вербальным репрезентантом нарративного контракта является конструкция *расскажу, если* и её эквиваленты. Имплицитные формы выражения данного речевого акта в представленном исследовании не рассматриваются.

На основании анализа материала трёх текстовых корпусов – Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Корпуса текстов белорусского языка (Беларускі N-корпус) и Британского национального текстового корпуса (British National Corpus) – было установлено, что коммуникативные ситуации, в которых оречевляется нарративный контракт, встречаются сравнительно редко (по меньшей мере, в художественном/беллетризованном нарративе).

Заключение нарративного контракта предполагает оречевление следующих элементов ситуации наррации:

- коммуникативные роли: рассказчик (нарратор) и слушатель (аудитория);
- (жанр/тип нарратива): история, анекдот, байка, притча, сказка и др.;
- тема (о чем повествуется);
- (мотивация): причины заинтересованности слушателя в восприятии нарратива или потребности нарратора изложить заявленный нарратив;
- условие (что требуется от слушателя, чтобы наррация состоялась).

Основными элементами ситуации, определяющими тип речевого акта как нарративный контракт, являются коммуникативные роли и условие контракта. Жанр нарратива, его тема и мотивация слушателя вербализуются опционально.

Коммуникативные роли распределяются, как правило, во фрагментах высказывания, структурно представляющих собой личные местоимения в сочетании с глаголом наррации: *я расскажу (вам/тебе), I'll/ could/would tell you, я скажу/расскажу (табе/вам)* и т.п.

В качестве условия нарративного контракта – действия или состояния, требуемого нарратором от слушателя в обмен на нарратив, может выступить:

— определенное психическое состояние, сохраняемое во время и после наррации: *“Я попрошу вас не волноваться, если расскажу вам сейчас совершенно неправдоподобные вещи...”* (М. Сергеев, «Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы»);

— желание слушать: *“Вот я расскажу вам, если хотите...”* (В. Г. Короленко, «Мороз»);

— формирование / выражение определенного отношения слушателя к одному из действующих лиц нарратива: *“Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история... **Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы признаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ**”* (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»);

— доверие нарратору на слово (в белорусскоязычных контекстах слушателю даже предлагается самостоятельный выбор нарратора, внушающего больше всего доверия): *“Я вам, панічок, не буду многа казаць, бо вы ўсё роўна не верыце, хоць, можа, і верыце часам, але кажашце, што не верыце. Ды калі не верыце мне, то паслухайце, няхай вам раскажа мой Міхалка. Вы ж ведаеце майго Міхалку? А калі яму не паверыце, спытайце людзей.”* (Якуб Колас, «На ростанях»);

— кооперативное речевое поведение (соблюдение границ личной сферы собеседника): *“Maybe I could tell you if you didn’t keep interrupting,” Polly cried, feeling her stomach clench as his mouth tightened and he turned the full power of his steely gaze on her.*” (D. James, “Bay of Rainbows”);

— предоставление нарратору определенных благ и удобств, таких как личная свобода, устранение внешних раздражителей, помощь в снятии психологических барьеров, затрудняющих повествование о тяжелых, болезненных событиях:

1) *“– У меня нет историй. – Не хочешь рассказывать? Да? – Ладно. Если расскажу, отпустишь? – Отпущу. – Какую историю тебе рассказать? Про что хоть? – Интерресную”* (Маша Трауб, «Не вся la vie») – ситуация «покупки» личной свободы в обмен на нарратив;

2) *“Well, Martin, I’ll tell you if you turn this bloody crap off” – I did play a lot of world music in the shop in the eighties.*” (M. Latham, “The Bookseller’s Tale”) – ситуация запроса об устранении внешнего раздражителя, который давно беспокоил нарратора;

3) *“Быў шчасліў, песні неў, на ўсё птушкай глядзеў... Калі хочаш, скажу, раскажу табе ўсё... Дай вось чарку, ато ўжо язык прымадзеў.”* (Янка Купала, “За чаркай”) – ситуация запроса о помощи в снятии внутренних барьеров для коммуникации (в данном случае, посредством спиртного напитка).

Среди русскоязычных микроконтекстов выделяются коммуникативные ситуации, в которых речевой акт нарративного контракта используется как манипулятивный прием. В одном из случаев, в частности, наблюдается мнимая мена коммуникативных ролей заинтересованным слушателем с целью вынудить нарратора предоставить правдивое изложение событий: *“Я уже знаю, что здесь произошло, – сказала она. – Знаю все или почти все. Сейчас я вам это расскажу, а если я ошибусь, вы меня поправите. Остальное вы объясните сами. Только не врать и не юлить. Хорошо?”* (В. Пелевин, «Любовь к трем цукербринам»). В приведенном контексте предполагаемый слушатель вербально «притворяется» нарратором (моделирует его коммуникативное поведение, предлагая истинному нарратору роль слушателя) для того, чтобы узнать правду о случившемся, и излагает свою версию событий, побуждая к откровенности тех, кто в действительности мог и должен был выступать в роли нарраторов, и выставляя им требование честности и откровенности.

В другом случае, нарратор торгуется с потенциальным слушателем за право рассказать о том, о чём, по всей видимости, слушателю не интересно знать или уже давно известно:

“Ты не хочешь слушать? Понятно, прости, кому это нужно... Да не я «не хочу», а просто, раз тебе тяжело, давай отложим, я не любопытна... Нет, может, лучше наоборот: я по-быстрому расскажу, если ты, конечно, не возражаешь, – расскажу по-быстрому и уже больше не буду к этому возвращаться... (Забегая вперед: возвращалась она к этому «предмету» ежедневно)” (М. Палей, «Дань саламандре»). В контексте ситуации нарратор обижается, пытается вызвать

у слушателя чувство вины, идёт на уступки, устанавливает сам себе ограничения по условию контракта и впоследствии, добившись желаемого, сам же их нарушает.

На основании вышеизложенного представляется возможным заключить, что нарративный контракт сам по себе не относится к метанарративному уровню повествования, а является примером метакоммуникативного речевого акта – метанаррации (с референцией не к нарративу, а к наррации как деятельности, связанной с обменом информацией в повествовательной форме). При этом следует отметить, что данный речевой акт может стать метанарративным, если в его структуру будут включены наименования темы или жанра нарратива, что обеспечит осуществление референции к самому повествованию как речевому произведению. Во всех остальных случаях в ситуации нарративного контракта обсуждается не сам нарратив, а взаимоотношения между нарратором и слушателем, которые данный контракт призван регулировать.

Необходимость в символическом заключении нарративного контракта, как правило, обуславливается препятствием к осуществлению акта наррации (недоверие аудитории, дискомфортные для рассказчика условия наррации (внешние или внутренние), нежелание нарратора рассказывать, нежелание аудитории слушать, некооперативное речевое поведение слушателя).

Наиболее продуктивными с лингвопрагматической точки зрения речевые акты метанаррации представляются в русскоязычных коммуникативных контекстах, поскольку данный материал раскрывает наиболее широкие возможности функционирования данных речевых актов в составе разнообразных речевых тактик по сравнению с белорусско- и англоязычными материалами, в которых частотность и функциональная нагрузка актов нарративного контракта существенно ограничены.